РЕЛИГІОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

Священника І. Троицкаго.

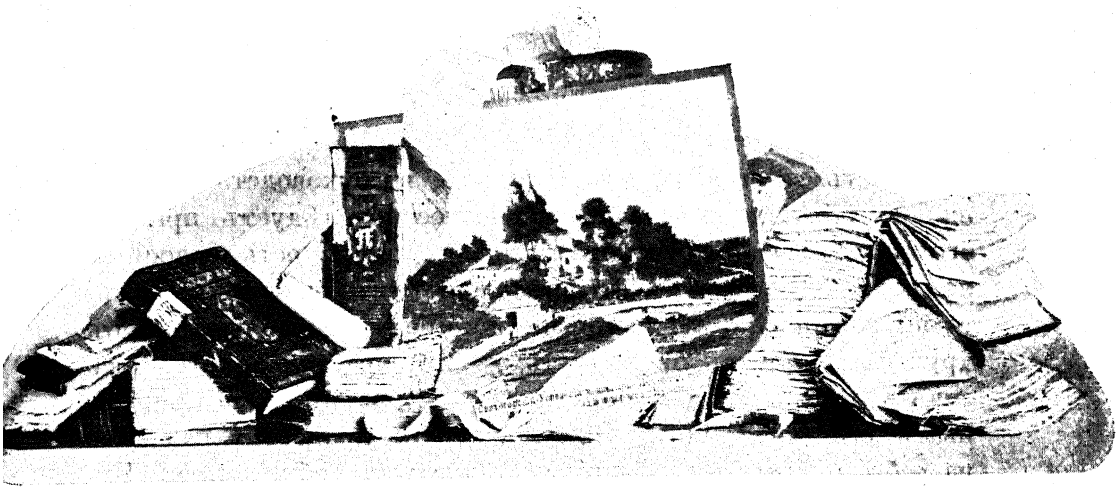
КІЕВЪ,
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская ул., соб. д. № 4.
1899.

Проф. 1955
Пр.

РV
ЗУО!
Троч

Дозволено цензурою, Кіевъ, 22 Мая 1899 года.

3360
25



Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина.

Было время, когда великаго нашего поэта А. С. Пушкина упрекали въ безбожіи, и въ поэзіи его, разсматриваемой съ религіозной точки зрѣнія, находили выраженіе только легкомыслія поэта. Странно какъ-то слышать такой сильный упрекъ тому, котораго на Руси признали,—по почину его же друга—поэта христіанина В. Л. Жуковскаго,—національнымъ поэтомъ, т. е. пѣвцомъ и выразителемъ чувствъ и мыслей народа Русскаго, издавна прославившагося своею преданностію Православной вѣрѣ и Церкви. Вполнѣ справедливо замѣтилъ академикъ Я. К. Гротъ, что упрекать въ безбожіи Пушкина могутъ только тѣ, кто основательно не изучилъ его произведеній[1]). Правда, произведенія поэта даютъ намъ полное право сказать, что лишь къ концу своей жизни Пушкинъ окрѣпъ въ христіанскомъ религіозномъ чувствѣ; но изъ его же произведеній мы видимъ, что и въ болѣе ранніе годы его великомощная душа не чужда была религіи, понимаемой въ смыслѣ душевнаго стремленія къ Богу. Что онъ по временамъ, особенно въ юности, легкомысленно выражался о Православной вѣрѣ, заблуждался въ ней—это его грѣхи, которые да проститъ ему Господь! Но легкомысліе юности онъ самъ созналъ и оплакалъ; временный скептицизмъ

[1]) Вѣнокъ на памятникъ А. С. Пушкина. С. Петербургъ 1880 г. стр. 233.

стряхнулъ съ своей души. Намъ же, въ руководство къ правильному сужденію о его религіозности, слѣдуетъ принять его же слѣдующія строки: „Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ это хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни одними своими странностями.... Скептицизмъ въ душѣ можетъ быть только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной". [1]) Имѣя въ виду эти слова А. С. Пушкина и основываясь на его произведеніяхъ, болѣе компетентные судьи такъ характеризуютъ религіозныя воззрѣнія его; „величайшій нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ—былъ любимый сынъ Отца Небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблуждающійся, а въ тяжкой смерти—сынъ кающійся; онъ родился христіаниномъ, жилъ полухристіаниномъ и полуязычникомъ, а умеръ христіаниномъ, примиреннымъ со Христомъ и Церквію". [2])

Въ настоящее время почти во всѣхъ біографіяхъ А. С. Пушкина можно находить упоминаніе о религіозныхъ воззрѣніяхъ его въ разные періоды жизни,—указаны въ нихъ и нѣкоторыя стихотворенія его религіознаго содержанія. Но высказанныя вскользь замѣчанія этого рода не даютъ цѣльнаго представленія о религіозныхъ убѣжденіяхъ нашего поэта. Въ виду этого мы и намѣрены въ болѣе или менѣе хронологическомъ порядкѣ отмѣтить религіозный элементъ въ произведеніяхъ Пушкина, чтобы по одному очерку можно было видѣть, какихъ религіозныхъ убѣжденій держался онъ при жизни. Очерку даемъ заглавіе—„религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина", хотя будемъ говорить и о религіозныхъ воззрѣніяхъ поэта. Если бы мы озаглавили

[1]) А. Пушкинъ. Анекдотъ о Байронѣ.

[2]) Рѣчь Архіепископа Одесскаго Никанора при поминовеніи А. С. Пушкина, по с теченіи 50-я лѣтія со дня его кончины. Поученія. Одесса 1890 г. т. I стр. 253.

свою работу такъ: „религіозный элементъ въ произведеніяхъ и личные религіозныя воззрѣнія Пушкина“, то, для выполненія второй половины темы, потребовался бы большій трудъ, чѣмъ какой мы можемъ удѣлить, да и работу пришлось бы расширить подробнымъ указаніемъ всѣхъ условій, при которыхъ въ душѣ поэта составилось такое или иное религіозное міровоззрѣніе. Если мы, изслѣдуя произведенія Пушкина, отмѣченныя характеромъ религіозности, касаемся личности поэта, то по той простой причинѣ, что признаемъ за произведеніями Пушкина не одно высоко-художественное значеніе, но и біографическое, т. е. что въ нихъ Пушкинъ выражаетъ свои дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія и идеалы.

I.

Изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина мы отмѣчаемъ три: „Сонъ“, „Боже Царя храни“ (оба относятся къ 1816 г.) и „Безвѣріе“, прочитанное поэтомъ 9 Іюня 1817 г. на выпускномъ публичномъ экзаменѣ въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Въ стих. „Сонъ“ читаемъ слѣдующіе строки, вѣющіе теплотою религіознаго чувства, согрѣтаго въ сердцѣ поэта въ дѣтскіе годы:

«—Дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье!
«Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
«О прелести таинственныхъ ночей,
«Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
«Она, духовъ молитвой уклоня,
«Съ усердіемъ перекреститъ меня,
«И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ.
. . . . . .
«Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
«Чуть освѣщалъ глубокія морщины....

Какъ глубоко напечатлѣлись въ душѣ поэта два дѣтскихъ религіозныхъ воспоминанія,—одно, связанное съ личностію доброй няни, какъ она съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ укладывала его въ постель, и другое о простой лампадкѣ предъ иконой! Няня Пушкина, кажется, была

единственнымъ религіознымъ воспитателемъ его. Повидимому, ни отецъ, о которомъ Пушкинъ вообще отзывается малопочтительно, ни мать, о которой онъ не упоминаетъ, не заботились о религіозномъ воспитаніи своего сына, предоставивши это трудное дѣло доброй нянѣ. У послѣдней, въ годы первоначальнаго обученія Пушкина, явился хорошій помощникъ, способствовавшій развитію ума Пушкина въ познаніи христіанской вѣры, — это священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, котораго біографъ поэта г. Анненковъ называетъ „самымъ дѣльнымъ наставникомъ отрока Пушкина“. [1]) Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину (отъ 25 авг. 1823 г.) поэтъ сознается, что онъ „знаетъ Законъ Божій“. Это и все, что въ дѣтскіе годы религіозно настроивало А. С. Пушкина; а прочее могло только развращать и губить его юную душу. Одиннадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, зная наизусть всю современную французскую литературу, со всѣми вольнодумными матеріалистическими и соблазнительными произведеніями, которыми было такъ богато 18-е столѣтіе. Лицеисты, вслѣдствіе своей незрѣлости и легкаго взгляда на жизнь, съ особеннымъ удовольствіемъ читали сатирическіе, эротическіе и вакхическіе бездѣлки. И юный лицеистъ Пушкинъ, геній котораго уже началъ сказываться, значительную часть лицейскаго досуга отдалъ такого рода произведеніямъ. Начальникъ лицея Энгельгардъ, знавшій циничные стихи, злыя эпиграммы и молодеческія похожденія Пушкина, отзывался о немъ, какъ объ юношѣ, у котораго „сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи“. Впослѣдствіи г. Энгельгардъ перемѣнилъ такое мнѣніе на лучшее. Да оно и понятно. Изъ приведеннаго стихотворенія видно, что онъ любилъ свою няню. Теплотою любви дышетъ и другое стихотвореніе:—

«Боже Царя храни!
«Славному долги дни
«Дай на земли....

Въ сердцѣ, о которомъ говорилось, что въ немъ нѣтъ любви, однако нашлись: „гласы умиленія и благодаренія

[1]) Матеріалы къ біографіи. С. Петербургъ 1873 г. стр. 12.

„Богу за Царя". Въ пору юношескихъ проказъ выплываетъ воспоминаніе о простой глиняной лампадкѣ, мерцающей слабымъ свѣтомъ надъ иконой въ дѣтской; и этой лампадкѣ, по выраженію г. Сумцова, суждено было сдѣлаться „путеводной звѣздой Пушкина", [1]) въ смыслѣ сохраненія и развитія въ немъ религіознаго чувства.

Чтобы не повторяться, допускаемъ небольшое отступленіе отъ намѣченнаго хронологическаго изученія произведеній Пушкина.

Глубоко врѣзавшійся въ душу геніальнаго ребенка свѣтъ лампады предъ иконой сохранился въ душѣ поэта на всю жизнь, и онъ нерѣдко упоминаетъ о лампадѣ. Напримѣръ, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" (1822 г.) уединенная спальня плѣнной Маріи обрисована такъ:

«Тамъ день и ночь горитъ лампада
«Предъ Ликомъ Дѣвы Пресвятой—
«Души тоскующей—отрада.

Въ стихотвореніи „Андрей Шенье" (1825 г.), въ казематѣ заключеннаго въ тюрьму поэта, предъ казнью его,—

«Лампады тихій свѣтъ
«Блѣднѣлъ предъ утренней зарей....

Пименъ въ „Борисѣ Годуновѣ" (1825 г.) пишетъ свою лѣтопись предъ догорающей лампадой. А въ „Подражаніяхъ Корану" (1824 г.) имѣются цѣлыхъ два стихотворенія, порожденныхъ свѣтомъ лампады (VII):

«Востань, боязливый,
«Въ пещерѣ твоей,
«Святая лампада
«До утра горитъ.
«Сердечной молитвой,
«Пророкъ, удали
«Печальныя мысли,
«Лукавые сны!
«До утра молитву
«Смиренно твори;
«Небесную книгу
«До утра читай!

„Ночныя и утреннія молитвы, замѣчаетъ г. Поливановъ, [2]) неоднократно предписываются въ Коранѣ. Предста-

[1]) Этюды объ А. С. Пушкинѣ. Вып. II, стр 71.
[2]) Сочиненія А. С. Пушкина. Москва 1887 г. т. II, стр. 140.

вить же въ картинѣ это удаленіе пророка для чтенія Корана и для молитвы въ пещерѣ, при свѣтѣ лампады,—уже собственный замыселъ поэта", свидѣтельствующій о жизненности религіозныхъ впечатлѣній дѣтства.

Третье лицейское стихотвореніе Пушкина „Безвѣріе" слѣдуетъ признать истинно—назидательнымъ по глубоко—правдивому изображенію душевныхъ мукъ „отпадшаго вѣры сына". Умъ этого несчастнаго ищетъ Божества, а сердце пусто. Вотъ онъ на кладбищѣ ищетъ вѣры сердца.—

«Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ,
«Гдѣ Деліи его таится пепелъ милый...
«Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
«Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья
«Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья,
«Дрожитъ!...

Но и тутъ его сердце глухо для вѣры; въ немъ кипитъ лишь страсть, да копошится уныніе.

«Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
«Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей;
«При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
«При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
«Тревожится его безвѣрное мученье.
«Онъ Бога тайнаго нигдѣ не зритъ,
«Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
«Холодный ко всему и чуждый умиленью,
«Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.

Не смѣемъ утверждать, что всѣ здѣсь изображенныя тяжелыя состоянія „безвѣрнаго мученья" въ разсматриваемое время переживалъ самъ Пушкинъ. Лира его, въ два послѣдніе года пребыванія въ лицеѣ, начала звучать меланхолически; очевидно, лицейская жизнь надломила его добрыя дѣтскія чувства и въ числѣ ихъ религіозное. Выходя изъ лицея, поэтъ сознаетъ, что уноситъ съ собой одну религіозную пытливость ума и сердце, кипящее страстями, уносящими его далеко—далеко отъ центра истинной жизни въ Богѣ во власть темныхъ силъ.

II.

Юношей 19-ти лѣтъ явился А. С. Пушкинъ въ шумномъ столичномъ обществѣ. Съ неутомимой жаждой своей живой и страстной натуры набросился онъ на всѣ удовольствія общества. Его жизнь и въ столицѣ и потомъ въ первые годы пребыванія на югѣ Россіи была временемъ торжества Киприды и Вакха („Вакхическая пѣснь"). Его умъ закружился отъ вихря либеральнаго духа, проносившагося тогда надъ русскою жизнью. Конечно, этотъ либеральный духъ волновалъ и пѣнилъ только поверхность русской жизни, но именно въ ней-то и плавалъ Пушкинъ. И была-ли какая нибудь возможность для его чуткой и отзывчивой на все, какъ доброе, такъ и дурное, натуры, не увлечься этимъ вихремъ, и не повторить его отголосковъ въ своей поэзіи?! Произведенія нашего поэта, созданныя въ Александровскую эпоху, дѣйствительно являются отголоскомъ этихъ вѣяній. Разсматриваемыя со стороны религіознаго элемента произведенія этой эпохи носятъ на себѣ характеръ двойственности,—то въ нихъ отражается легкомысленное и даже кощунственное отношеніе къ христіанской вѣрѣ, то наоборотъ сознаніе величія христіанскаго просвѣщенія,—то приближеніе къ Богооткровенной истинѣ, а то и стремленіе замѣнить религію разумомъ. Въ 1821 году Пушкинымъ написано легкомысленное стихотвореніе—„Еврейкѣ", въ которомъ онъ выражаетъ готовность за поцѣлуй Ревекки оставить законъ Богочеловѣка и приступить къ вѣрѣ Моисея. Въ началѣ Апрѣля того же года онъ изъ Кишинева писалъ В. Л. Давыдову:

«Я сталъ уменъ, и лицемѣрю;
«Пощусь, молюсь и твердо вѣрю.
«Что Богъ проститъ мои грѣхи,
«Какъ Государь—мои стихи.
«Говѣетъ Инзовъ, и намедни
«Я промѣнялъ Вольтера бредни
«И лиру,—грѣшный даръ судьбы,
«На часословъ и на обѣдни,
«Да на сушеные грибы.

Далѣе въ томъ же письмѣ—страшное кощунство надъ таинствомъ Евхаристіи. Эти созданія Пушкинской лиры чи-

таются съ отвращеніемъ. За то съ пріятнымъ чувствомъ читаемъ слѣдующее историческое замѣчаніе.„—Екатерина явно гнала духовенство,.. угождая духу времени. Но, лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностью. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ".

„Въ Россіи вліяніе духовенства было благотворно..... Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ". (Истор. замѣчанія 2 Августа 1822 г. Кишиневъ).

Изъ этого наброска мыслей видно, что Пушкина занималъ вопросъ о значеніи церкви для русскаго просвѣщенія и объ отношеніи Православія къ русской народности. Эти его взгляды показываютъ спокойное и вдумчивое рѣшеніе намѣченнаго вопроса и сознаніе имъ величія Православнаго вѣроисповѣданія.

Теперь, если сопоставить сознаваемое Пушкинымъ величіе Православія съ вышеприведенными легкомысленными и кощунственными выраженіями его именно о Православной вѣрѣ, получится странная двойственность христіанскихъ воззрѣній его. Очевидно, такая двойственность въ отношеніи къ Православію и закралась въ душу поэта въ разсматриваемое время. На почвѣ этой двойственности въ немъ зародилось сомнѣніе—или скептицизмъ, представленный имъ въ поэтическомъ образѣ „Демона". Образъ „Демона" сложился въ фантазіи Пушкина въ 1823 г. въ такихъ чертахъ:

«Его улыбка, чудный взглядъ,
«Его язвительныя рѣчи

«Вливали въ душу хладный ядъ.
«Неистощимой клеветою
«Онъ Провидѣнье искушалъ....
. . . . . .
«И ничего во всей природѣ
«Благословить онъ не хотѣлъ..

Итакъ повальное отрицаніе всего святого—вотъ тотъ, демонъ, который искушалъ Пушкина. О томъ, какъ поэтъ отнесся къ этому искушенію, узнаемъ изъ набросковъ къ XLV строфѣ I гл. и „Евгенія Онѣгина.“

«Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
«Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
«Онъ сочеталъ меня невольно
«Своей таинственной судьбѣ;
«Я сталъ взирать его очами,
«Съ его печальными рѣчами
«Мои слова звучали въ ладъ. [1])

На долго-ли Пушкинъ подпалъ вліянію этого „демона“, и какой результатъ въ отношеніи къ его религіознымъ воззрѣніямъ произошелъ отъ духа сомнѣнія и отрицанія,—передаютъ письма поэта. Въ Мартѣ 1824 г. изъ Одессы Пушкинъ пишетъ „неизвѣстному лицу въ Москвѣ“:—„Читая Библію Святой Духъ иногда мнѣ не по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира.... Беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ (Гунчисонъ), единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, что бы доказать qu'il ne peut exister d' être intelligent créateur et régulateur (что нѣтъ разумнаго Творца и Промыслителя), мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная“... Эти самыя слова и послужили поводомъ къ весьма тяжкому обвиненію Пушкина въ безбожіи, о чемъ упомянуто въ началѣ нашего очерка. „Но, вглядываясь внимательно въ отношенія Пушкина къ учителю атеизма Гунчисону, который, замѣтимъ въ скобкахъ, пять лѣтъ спустя былъ уже

[1]) Л. Поливановъ. Сочиненія Пушкина, т. I. стр. 144.

ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви въ Лондонѣ, мы, говоритъ профессоръ В. В. Никольскій, [1]) не можемъ думать, чтобы онъ произвелъ на Пушкина серьезное вліяніе. Въ письмѣ къ Казначееву, правителю канцеляріи графа Воронцова, письмѣ оффиціальномъ, но въ тоже время крайне откровенномъ и рѣзкомъ, Пушкинъ прямо называетъ своего учителя „прощалыгой“ (galopin), а его уроки, пошлой болтовней. Вѣрнѣе всего эти отношенія можно опредѣлить пушкинскими же стихами („къ вельможѣ“) къ князю Юсупову:

«И скромно ты внималъ,
«За чашей медленной, аѳею или деисту,
«Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту»....

Своему другу—В. Л. Жуковскому, въ письмѣ отъ 6 Марта 1826 г., Пушкинъ признается: „Его Величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось *сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.*“ Идеальная натура поэта стряхнула гнетъ скептицизма, временнаго настроенія его своенравнаго ума, ищущаго свѣта Божественной истины изъ устъ людей, одержимыхъ недугомъ мракобѣсія. „Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма“ не можетъ „объять Его“ (Іоан. 1, 5—6). Этотъ Божественный Свѣтъ предсталъ предъ очами нашего временнаго скептика—поэта, начавшаго, въ настроеніи исканія истины, читать Библію. Взявшись за Библію—Пушкинъ въ началѣ чтенію ея предпочиталъ Гете и Шекспира. Впрочемъ сразу и невозможно было ожидать благоговѣнія предъ Библіей со стороны Пушкина. Ужъ слишкомъ далеко ушелъ онъ отъ Божественнаго Свѣта! Много мрачныхъ заблужденій накопилось въ его душѣ, и не легко было ему подняться на высоту чистѣйшей истины! И его истинное религіозное оживленіе происходитъ медленно, но за то прочно; внѣшнимъ образомъ начало этого оживленія совпадаетъ съ временемъ пребыванія Пушкина въ с. Михайловскомъ Псковской губерніи, съ конца—1824 года.

[1]) Идеалы Пушкина. Христ. Чит. 1882. т. I. стр. 501.

III.

Изучая произведенія А. С. Пушкина, написанныя имъ со времени возвращенія въ село Михайловское, религіозный элементъ мы отмѣтили въ слѣдующихъ произведеніяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ:

1824 г.—„Подражанія Корану“ (стих.)
1825 г.—„Подражаніе кн. Пѣснь Пѣсней“ (стих.)
„ г.—Изъ драмы „Борисъ Годуновъ“ сцена 5 („Келья въ Чудовомъ монастырѣ“) и сцена 9 („Домъ Шуйскаго“).
1826 г.—„Пророкъ“ (стих.)
1827 г.—„Ангелъ“ (стих.)
1828 г.—„Воспоминаніе“ (стих.)
„ г.—„Предчувствіе“ (стих.)
26 Мая 1828 г. „Даръ случайный“ (стих.)
„ „ „ „ Пѣснь 2-я изъ „Полтавы“ (поэма)
1829 г.—„Монастырь на Казбекѣ“ (стих.)
„ г.—„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ (стансы)
„ г.—„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“ (стих.)
„ г.—„Галубъ“ (поэма)
„ г.—„Путешествіе въ Арзрумъ (Эрзерумъ), глава первая“;
1830 г.—„Стансы“ (стих. отвѣтъ митрополиту Филарету),
„ г.—„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (стих.);
„ г.—„Мадонна“ (стих.);
1832 г.—„Юдиѳь“ (стих.);
1834 г.—„Странникъ“ (стих.);
„ г.—„Къ Н’“ (стих.);
1835 г.—„Туча“ (стих.);
1836 г.—„Подражаніе итальянскому“ (стих.);
„ г.—„Къ Распятію“ (стих.);
„ г.—„Замѣтка на „словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Русской церкви“ Князя Эристова;
„ г.—„Молитва“ (стих.);
„ г.—Замѣтка на сочиненіе Сильвіо Пеллико—„объ обязанностяхъ человѣка“;
„ г.—„О сочиненіяхъ Архіепископа Георгія Конисскаго“.

Въ параллель къ этимъ укажемъ на письма Пушкина,—какъ то:

1. три письма къ брату—Льву С. Пушкину (с. Михайловское—въ полов. Ноября 1824 г., 4 Дек. 1824 г. и Янв. 1825 г.).
2. два письма къ Л. С. Пушкину и одно кн. П. Л. Вяземскому (Село Михайл.—7 Апр. 1825 г.);
3. три письма В. Л. Жуковскому (с. Михайл. 17 Августа 1825 г., Янв. 1826 г. и 6 Марта 1826 г.);
4. письмо П. А. Плетневу (Москва, 7 Янв. 1831 г.);
5. П. Я. Чаадаеву (Царское село 6 Іюня 1831 г.);
6. Къ Н. Н. Гончаровой (С. Пет. 17 Апр. 1834 г.), и другіе.

Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ выраженій этихъ писемъ съ вышеперечисленными произведеніями, религіозныя воззрѣнія нашего поэта за періодъ его жизни отъ конца 1824 г. по 1836 г. представляются намъ такими. Въ періодъ уединенной жизни въ с. Михайловскомъ, послѣ прежнихъ, бурно-проведенныхъ дней, его религіозная мысль сильно начала работать. Но въ началѣ устойчивости, опредѣленности въ религіозныхъ воззрѣніяхъ его нѣтъ; и только въ послѣдніе годы жизни въ душѣ его крѣпнетъ христіанское религіозное настроеніе. На первыхъ порахъ пребыванія въ Михайловскомъ А. С. Пушкинъ съ цѣлію найти вѣчную—Божественную истину, для успокоенія мятущагося духа, одновременно усиленно занялся и чтеніемъ Библіи и магометанскаго Корана. „Библію, Библію! и французскую непремѣнно“, проситъ онъ брата въ одномъ письмѣ,—въ другомъ опять повторяетъ ту же просьбу и замѣчаетъ: „Библія для христіанина—тоже, что исторія для народа. „Слѣпой священникъ перевелъ Сираха, издаетъ по подпискѣ,—подпишись на нѣсколько экземпляровъ“—вотъ и еще просьба брату же. Въ этомъ письмѣ имѣется въ виду прекрасное переложеніе книги Іисуса сына Сираха, составленное въ 1825 г. іереемъ—слѣпцомъ, Гавріиломъ Абрамовичемъ Пакатскимъ. Читая Коранъ, Пушкинъ составляетъ девять художественныхъ по изложенію отрывковъ въ подражаніе Корану. Присматриваясь ближе къ „Подражаніямъ Корану“, находимъ въ нихъ мысли и сентенціи не чисто—магометанскія, а и не чуждыя христіански-библейскаго ученія, какъ напримѣръ:—о ничтожествѣ человѣка передъ Богомъ и о всеобщей отвѣтственности на Страшномъ Судѣ (III отр.);—о всемогуществѣ Божіемъ, проявленномъ въ созданіи и управ-

леніи вселенной (IV—); о щедрости въ милостынѣ (VIII—). А VII отрывокъ изъ „Подражаній Корану", какъ мы уже видѣли, представляетъ художественное изложеніе не предписаній Корана, а собственнаго замысла поэта—изобразить пророка читающимъ священную книгу при свѣтѣ лампады. Не ясное—ли это доказательство того, что Библія въ его мысляхъ постепенно беретъ перевѣсъ надъ первоисточниками религій нехристіанскихъ,—и что христіанскія правила благочестивой жизни годъ отъ году становятся ближе къ его сердцу!! Въ подражаніе Корану Пушкинъ написалъ въ 1824 г. одно только переложеніе, а съ 1825 г. начинается цѣлый рядъ его стихотвореній, на которыхъ такъ или иначе сказывается вліяніе Библіи. Первымъ изъ таковыхъ было стихотвореніе—„изъ подражанія Пѣсни Пѣсней".—

«Вертоградъ моей сестры
«Вертоградъ уединенный;
«Чистый ключъ у ней съ горы
«Не бѣжитъ запечатлѣнный.
—«У меня плоды блестятъ
«Наливные, золотые
«У меня бѣгутъ, шумятъ
«Воды чистыя, живыя.
«Нардъ, алой и киннамонъ
«Благовоніемъ богаты:
«Лишь повѣетъ аквилонъ
«И закаплютъ ароматы».

Въ Библейской книгѣ—„Пѣснь Пѣсней" это мѣсто читается такъ: „Вертоградъ заключенъ—сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ. Лѣторасли твоя—садъ шипковъ (гранатовъ) съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами, нардъ и шафранъ, трость (сахарная) и киннамонъ (корица) со всѣми древами ливанскими, смирна и алой со всѣми первыми мурами (мурра и алой со всѣми лучшими ароматами). Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана. Востани Сѣвере (удались сѣверный вѣтеръ) и гряди юже (вѣтеръ съ юга), и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя" (гл. IV, ст. 12—16). Первые четыре Пушкинскихъ стиха—слова жениха,

а восемь—слова невѣсты. На первый разъ для переложенія поэтъ изъ Библіи выбираетъ такое мѣсто, которое ему, какъ художнику слова, болѣе всего пришлось къ личному эстетическому чувству. Вѣроятно, духовный смыслъ книги Пѣснь Пѣсней ему былъ еще чуждъ. Но уже второй опытъ переложенія Пушкинымъ Библейскаго мѣста отражаетъ на себѣ сильное вліяніе Библіи не на одно художественное чувство поэта, а и на его мысль. Имѣемъ въ виду стихотвореніе 1826 г.—„Пророкъ“.

«Духовной жаждою томимъ
«Въ пустынѣ мрачной я влачился,
«И шестокрылый серафимъ
«На перепутьи мнѣ явился;
«Перстами легкими, какъ сонъ,
«Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
«Отверзлись вѣщія зѣницы
«Какъ у испуганной орлицы.
«Моихъ ушей коснулся онъ,
«И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ;
«И внялъ я неба содраганье,
«И горній Ангеловъ полетъ,
«И гадъ морскихъ подводный ходъ,
«И дольней лозы прозябанье.
«И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
«И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
«И празднословный и лукавый,
«И жало мудрыя змѣи
«Въ уста замершія мои
«Вложилъ десницею кровавой.
«И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
«И сердце трепетное вынулъ,
«И уголь, пылающій огнемъ,
«Во грудь отверстую водвинулъ.
«Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
«И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
«Исполнись волею Моей,
«И, обходя моря и земли,
«Глаголомъ жги сердца людей»!

Любопытное сообщеніе о происхожденіи этого стихотворенія разсказываетъ А. О. Смирнова въ своихъ „Запискахъ“ [1]). Во время одного визита госпожѣ Смирновой А. С. Пушкинъ признавался: „Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите-ли, чтобъ я сдѣлалъ вамъ одно признаніе“?

„На счетъ чего?“

„Моего Пророка“.

„Говорите, я не буду нескромной“.

„Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ; гораздо раньше я уже служилъ панихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечиталъ его „Мазепу“... На другой день я былъ въ монастырѣ; служка попросилъ меня подождать въ кельѣ, на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу—это былъ *Іезекіиль*. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ Пророкѣ. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ это стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго „Мазепы“ заставилъ меня поѣхать служить панихиду по Петрѣ Великомъ? Я часто это дѣлалъ, а въ этотъ день я также молился и за Байрона. Іезекіиля я читалъ и раньше; но въ этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно—прекраснымъ, я думаю, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ съ Священнымъ Писаніемъ: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ: я открываю книгу на удачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе, какъ всякую другую книгу“.... Достовѣрно ли это сообщеніе? Изъ писемъ Пушкина брату и князю П. Л. Вяземскому (Михай-

[1]) Записки А. О. Смирновой. С. Петербургъ 1895 г. часть 1, стр. 266—267.

ловское 7 Апр. 1825 г.) извѣстно, что онъ дѣйствительно наканунѣ дня поминовенія смерти Байрона съ вечера заказалъ заупокойную обѣдню по немъ. Если принять во вниманіе склонность Пушкина къ мистицизму, [1]) то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ сообщеніи „Записокъ“ г. Смирновой, будто Пушкинъ незадолго до своего отъѣзда въ Москву просилъ въ Свято-Горскомъ монастырѣ отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ и Байронѣ и именно по тому побужденію, „что мертвые могутъ внушать мысли живымъ“. [2]) Но въ „Запискахъ“, въ обозначеніи источника „Пророка“, сдѣлана, вѣроятно, самой Смирновой ошибка: дважды названъ пророкъ Іезекіиль вмѣсто пророка Исаіи. Въ VI гл. книги пророка Исаіи находится слѣдующій разсказъ св. Пророка о своемъ призваніи къ пророческому служенію: „И бысть въ лѣто, въ неже умре Озія царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ Славы Его. И серафими стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу, и глаголаху: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля Славы Его. И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху, и домъ наполнися дыма. И рекохъ: о, окаянный азъ, яко умлихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу; и царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше уголь горящъ, его же клещами взятъ отъ алтаря. И прикоснуся устамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого послю и кто пойдетъ къ людемъ? и рекохъ: се азъ есмь: посли мя. И рече: иди и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете; и видяще узрите, и не увидите: одебелѣ бо сердце людей сихъ“. (1—10 ст.).

---

[1]) „Я былъ масонъ въ Кишеневской ложѣ“, пишетъ поэтъ В. Л. Жуковскому (Михайловское, Январь 1826 г.).

[2]) Подобное объясненіе этого поступка Пушкина находится и въ рѣчи Высокопреосвященнаго Никанора: „молитва за умершихъ въ воспоминаніи вяжетъ живыхъ съ умершими“. См. цитированную рѣчь въ „Поученіяхъ“—стр. 241.

Вотъ этотъ отрывокъ изъ Библіи и лежитъ въ основаніи Пушкинскаго стихотворенія „Пророкъ“. Какъ же смотрѣть на это стихотвореніе съ религіозной точки зрѣнія? Сравнивая „Пророка“ съ VI гл. книги Пророка Исаіи, въ стихотвореніи мы находимъ измѣненіе Библейскаго разсказа. Во первыхъ, Пушкинъ удаляетъ своего „пророка“ въ пустыню для полученія откровенія,—этого въ Библіи нѣтъ; во вторыхъ, Библейскому Пророку Серафимъ очищаетъ горячимъ углемъ только уста, а Пушкинскому—глаза, уши, уста и языкъ, а трепетное сердце замѣняетъ углемъ, который пылаетъ огнемъ. Не ввелъ Пушкинъ въ свое стихотвореніе и видѣнія Пророкомъ Исаіей Господа Саваоѳа. Съ строго религіозной точки зрѣнія нельзя допускать въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ которыя вводятся Библейскія повѣствованія, подобныхъ измѣненій того, что въ Библейскихъ книгахъ составляетъ элементъ сверхъестественный, какъ указанное видѣніе пророка Исаіи. Предположимъ, что Пушкинъ, измѣняя и сокращая Библейскій разсказъ, въ стихотвореніи „Пророкъ“ желалъ представить общій типъ, безъ всякой примѣси индивидуальности, но кого? Ветхозавѣтнаго пророка? Говоря по правдѣ, ему неудалось нарисовать этотъ типъ истинными красками. О ветхозавѣтныхъ Пророкахъ мы даже изъ „Начатокъ христіанскаго ученія“ знаемъ, что всѣ они до призванія были людьми благочестивыми, а, исполнившись Духа Святаго, они становились не только вѣстниками воли Божіей, но и предсказателями будущаго, и за послѣднее получили названіе Пророковъ. Они обличали идолопоклонство и людскіе пороки, предсказывали за нихъ наказанія Божіи, а благочестивыхъ людей укрѣпляли и утѣшали надеждою на благодать Божію и спасеніе. У Пушкина же пророкъ до призванія—имѣетъ языкъ празднословный и лукавый, а послѣ призванія лишь вдохновленный вѣстникъ воли Божіей. Слѣдовательно, поэтическій образъ пророка, составленный Пушкинымъ, далеко не соотвѣтствуетъ типу ветхозавѣтнаго Пророка. Говорятъ, что Пророкъ Пушкина—образъ поэта и, можетъ быть, самого Пушкина. [1]) Дай-бы Богъ, чтобы

[1]) См. „Этюды объ А. С. Пушкинѣ“ Н. Сумцова. Варшава 1893 г. вып. I, стр. 1—16,—76—80: вып. III, 1895 г. стр. 80—82.

это было такъ, т. е. чтобы на Руси поэтъ былъ вѣстникомъ воли Божіей, „глаголомъ жгущій страстныя человѣческія сердца“. Но много-ли такихъ идеальныхъ поэтовъ знаетъ наша литература?!... И о самомъ Пушкинѣ не дерзаемъ сказать, что онъ былъ вѣстникомъ воли Божіей. Вообще же говоря, „Пророкъ“ Пушкина—это прекрасное стихотвореніе, намъ думается, было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, еслибы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ Библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его. Тогда получился-бы истинный образъ Пророка, изображенный такими безподобными поэтическими красками, какими такъ величественно и умѣло владѣлъ нашъ великій поэтъ. Ну,—да это наше желаніе, которое мы высказываемъ, не критикуя талантъ и мысли Пушкина, а только примѣняя къ его „Пророку“ религіозную точку зрѣнія.

Библейскіе образцы предстоятъ въ сознаніи А. С. Пушкина и при созданіи имъ стихотвореній: „Юдиѳь“, „къ Н“, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „Къ Распятію“, „Мадонна“, и „Подражаніе Итальянскому“. Въ первыхъ двухъ—образы ветхозавѣтные, а въ остальныхъ—новозавѣтные.

„Юдиѳь“—это только начало поэтическаго переложенія библейской книги того же названія. Героизмъ іудейской женщины Іудиѳи, спасшей свой родной городъ Ветилую,—является весьма благодарнымъ сюжетомъ всевозможнаго рода художественныхъ картинъ. Пушкинское стихотвореніе рисуетъ то состояніе ужаса (кн. Іудиѳь, гл. IV), въ какомъ находились израильтяне—жители Ветилуи, окруженные многочисленнымъ Ассирійскимъ войскомъ, предводительствуемымъ знаменитымъ полководцемъ Олоферномъ.

Стихотвореніе—„къ Н“ Гоголь въ письмѣ Жуковскому называетъ одой Императору Николаю, и о происхожденіи этого стихотворенія сообщаетъ слѣдующее: „Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но Государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувстви-

тельно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣтнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе". Плодомъ этого впечатлѣнія и была ода, скромно озаглавленная—„къ Н":

«Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
«Тебя мы долго ожидали:
«И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
«И вынесъ намъ свои скрижали.
«И чтожъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
«Въ безумствѣ суетнаго пира,
«Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
«Отъ насъ созданнаго кумира.
«Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
«Въ порывѣ гнѣва и печали
«Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
«Разбивъ листы своей скрижали....
«Нѣтъ ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты,
«Скрываться въ тѣнь долины малой,
«Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
«Журчанью пчелъ надъ розой алой».

Умѣстенъ ли въ этой величественной одѣ образъ Моисея, спускающагося съ горы съ скрижалями къ пирующимъ подъ горой около идола израильтянамъ? Христіанскому религіозному чувству не противорѣчитъ допущеніе въ словесныхъ произведеніяхъ сравнительнаго примѣненія къ людямъ нынѣшняго вѣка личнаго характера и человѣческихъ дѣйствій ветхозавѣтныхъ Пророковъ. Поэтому, говоря вообще, и здѣсь нельзя совершенно отрицать умѣстности разсматриваемаго библейскаго образа. Но одно слово въ стихотвореніи невольно вызываетъ вопросъ, а именно, что разумѣетъ поэтъ подъ „скрижалями?" Зная поводъ къ составленію стихотворенія „къ Н", невольно приходитъ такая мысль:—не разумѣлъли Пушкинъ подъ „скрижалями" того замѣтнаго настроенія духа Императора Николая, съ какимъ Государь вышелъ на балъ послѣ серьезнаго чтенія Иліады? Мысль эта находитъ подтвержденіе въ письмѣ Пушкина къ Чаадаеву (изъ Ц. Села

6 Іюня 1831 г.). „Не вижу я, пишетъ онъ здѣсь, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не встрѣчается въ Библіи?“—Эти строки письма показываютъ, какъ въ мысляхъ поэта Иліада тѣсно сближалась съ Библіей. Цитируемое письмо писано за три года до составленія оды Императору Николаю, но, очевидно, поэтъ остался при своемъ взглядѣ на тѣсное соотношеніе Иліады и Библіи—и въ то время, когда писалъ названную оду. Стоя на такой неправильной точкѣ зрѣнія нашъ поэтъ неправильно и допустилъ отожествленіе хорошаго настроенія духа, рождающагося отъ чтенія Иліады, съ такимъ-же настроеніемъ, происходящимъ отъ чтенія Библіи.

Стихотвореніе—„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“—начинается такими элегическими строками:

«Воспоминаньями смущенный,
«Исполненъ сладкою тоской,
«Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
«Вхожу съ поникшею главой!
«Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
«До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
«Увидѣлъ, наконецъ, родимую обитель,
«Главой поникъ и зарыдалъ.

Отрокъ Библіи—это блудный сынъ Евангельской притчи. Не постѣснялся Пушкинъ назвать себя блуднымъ сыномъ, когда, послѣ 12-лѣтней разлуки съ дорогимъ ему Царскимъ Селомъ, вновь увидѣлъ всю обстановку своей юности, и эта обстановка навѣяла на него грустную мысль о нехорошо прожитой жизни, а мысль нашла себѣ выраженіе въ образѣ Евангельскаго блуднаго сына.

Въ стихотвореніи—„къ Распятію“ яркими чертами выступаютъ передъ читателемъ величественные Голгоѳскіе образы, предстоящіе и поэту.

«Когда великое свершалось торжество
«И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
«Тогда по сторонамъ животворяща древа,
«Марія—грѣшница и Пресвятая Дѣва

«Стояли двѣ жены,
«Въ неизмѣримую печаль погружены.
«Но у подножія теперь креста честнаго,
«Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
«Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
«Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
«Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
«Или распятіе казенная поклажа,
«И вы боитеся воровъ или мышей?
«Иль мните важности придать Царю Царей?
«Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
«Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
«Христа, предавшаго послушно плоть свою
«Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
«Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
«Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
«И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ
«Пускать не велѣно сюда простой народъ?

„Комментарій къ этому стихотворенію дается такой. На выставкѣ картинъ Пушкинъ остановился предъ картиной Брюлова—„Распятіе“, около которой стояли два часовыхъ, и возмутился неумѣстностью стражи предъ дорогимъ его сердцу изображеніемъ. Возмутился онъ не потому, чтобы видѣлъ въ приставленіи часовыхъ униженіе искусства; наоборотъ искусство выигрывало, такъ какъ часовые не давали столпиться зрителямъ около художественной картины, и такимъ образомъ свѣтовые эффекты ея не скрадывались. По содержанію стихотворенія видно, что поэтъ не просто любуется картиной, которая, скажемъ со словъ г. Смирновой, ему не нравилась, какъ художественное произведеніе; а видитъ въ ней близкое сердцу изображеніе Царя Царей, Владыки, предавшаго себя для искупленія всего рода человѣческаго казни крестной. Основаніемъ для возмущенія тутъ, слѣдовательно, является глубоко-религіозное чувство благоговѣнія къ Евангелію. Такое объясненіе, осмѣливаемся утверждать, не натяжка. Вспомнимъ, что стихотвореніе—„къ Распятію“ написано Пушкинымъ въ 1836 г., когда религіозное настроеніе въ душѣ его было преобладающимъ. А ближайшій и умнѣйшій другъ Пушкина—князь Вяземскій свидѣтельствуетъ, что тогда поэтъ „*читалъ и любилъ читать*

Евангеліе". Въ замѣткѣ на соч.—„Объ обязанностяхъ человѣка" Сил. Пеллико Пушкинъ пишетъ: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое уже не было бы пословицею у народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; книга эта называется Евангеліемъ,—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея Божественное краснорѣчіе". Приведемъ здѣсь и еще мысли А. С. Пушкина объ Евангеліи, записанныя г. Смирновой послѣ одной бесѣды поэта въ ея домѣ, гдѣ былъ и князь Вяземскій. Пушкинъ на просьбу указать тѣ факты Евангелія, которые особенно его поразили, отвѣчалъ; „прежде всего Благовѣщеніе (послѣ чрезвычайно подробной родословной) и отвѣтъ Богородицы— „Се раба Господня".... Уже въ этомъ согласіи, Она исповѣдуетъ Его (т. е. Христа); Ея родственница Елизавета тоже исповѣдуетъ Его, и Пресвятая Дѣва отвѣчаетъ: „Величитъ душа моя Господа". Все это величаніе—самая возвышенная рѣчь, которая когда-либо выливалась изъ души человѣческой. Затѣмъ приходятъ поклониться Ему волхвы, потому что если пастухи тутъ и были, они еще *„не проникли въ Тайну"*, они *видятъ*, но не *знаютъ*. Во храмѣ Его исповѣдуютъ Симеонъ и Анна. Всѣ тѣ, которые исповѣдывали Христа рождшагося, были люди образованные, которые размышляли надъ пророчествами и жили въ храмѣ. Св. Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, исповѣдуетъ Его словами: „Се Агнецъ Божій". Что особенно демократическаго въ этихъ фактахъ и въ этихъ людяхъ, мужчинахъ и женщинахъ? Что Іосифъ былъ плотникомъ? Но онъ изъ рода Давидова, какъ Марія и родственница ея Елизавета. Генеалогія, я полагаю, что-нибудь да доказываетъ. Апостолы, которые за Нимъ послѣдовали, простолюдины, но не доказано, чтобы всѣ они были низкаго происхожденія. Упоминается лишь о Петрѣ и Андреѣ, ихъ называютъ: „Галилейскіе рыбаки"; о происхожденіи прочихъ не говорится ничего. Іуда Его предалъ, Ѳома долженъ

былъ осязать, чтобы видѣть, Филиппъ Его не понялъ, Петръ отъ Него отрекся, тотъ самый Петръ, который прославилъ Его ранѣе прочихъ, назвавъ Его „Сыномъ Бога Живаго". И тотчасъ Іисусъ Христосъ сказалъ ему, что только потому, что Отецъ, Духъ Святый вдохновилъ его. Онъ говоритъ устами Петра, а отнюдь не потому, что Симеонъ, сынъ Іонинъ, былъ рыбакъ Галилейскій. Іисусъ отрываетъ его и Андрея отъ промысла, чтобы сдѣлать ихъ „ловцами человѣковъ"; изъ Петра же Онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее: главу священства церкви. Онъ облекаетъ его властію. Петръ—избранный изъ двѣнадцати. Одинъ Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до Голгоѳы, такъ какъ Онъ любилъ Его превыше всего. А Іоаннъ, который писалъ по-гречески, великій прозорливецъ Патмосскій, не былъ невѣжественнымъ простолюдиномъ, равно какъ и апостолъ Павелъ, апостолъ Лука и прочіе Евангелисты. Апостолъ любви,—св. Іоаннъ, долженъ былъ, преимущественно предъ другими, воплощать въ себѣ типъ Пророка, такъ какъ любовь есть „Свѣточъ души". Петръ былъ вдохновенъ ранѣе другихъ, несмотря на свои сомнѣнія, на свои паденія, онъ олицетворяетъ собою человѣчество и милосердіе Божіе, коль скоро душа откроетъ Богу доступъ къ ней. Привыкли какъ-то называть ихъ Галилейскими рыбаками, но что знаемъ мы объ ихъ происхожденіи? Если не считать Петра и Андрея, ровно ничего. Коль скоро они получили даръ Св. Духа, они проповѣдуютъ, обращаютъ въ Христіанство, и, если мы вѣримъ, это должно имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствія ихъ становятся сверхъестественными, за исключеніемъ Петра, въ одномъ только случаѣ, лишь по сошествіи Св. Духа.

И Іисусъ Христосъ тотчасъ же указалъ на непосредственное внушеніе, ниспосланное Петру; Онъ не сказалъ ему, что внушеніе это связано съ его званіемъ бѣднаго рыбака. Эти факты, по моему мнѣнію, достаточно знаменательны; они мнѣ доказываютъ, что Галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ Тарсянинъ—одинъ изъ аристократовъ синагоги, Іоаннъ—сынъ священника Захаріи и Евангелистъ Іоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, могутъ въ равной мѣрѣ быть призваны, избраны, безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію; но это мнѣ

не доказываетъ, чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ, и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Іисусъ работалъ, какъ и Іосифъ (который изъ рода Давидова), всю жизнь и съ цѣлію *поднять* человѣчество, Его стругъ *облагородилъ* трудъ и бѣдность, но и только. На трудъ тогда смотрѣли, какъ на нѣчто унизительное, работникомъ былъ рабъ, надо было поднять его, *возвратить ему его достоинство*. Вотъ на мой взглядъ значеніе струга Христова. Я не силенъ въ Богословіи, я могу ошибаться, я просто дѣлюсь съ вами моими мыслями. Бѣдность также должна быть выведена изъ своего уничиженія, до нашихъ дней ее унижаетъ общество, которое, однако, почитаетъ себя христіанскимъ".

„И ты изъ этого заключаешь?... спросилъ кн. Вяземскій,

„Что демократія тутъ не причемъ", отвѣчалъ Пушкинъ. Главнѣйшій фактъ появленіе волхвовъ, царей, мудрецовъ, которые приходятъ поклониться Ему и принести Ему дары. А при концѣ два богатыхъ человѣка, два аристократа того времени, Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ покупаютъ гробъ и хоронятъ Его. Итакъ не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатыхъ или бѣдныхъ, какъ не должно говорить, что онъ одобрялъ Тиверія, когда приказывалъ воздавать Кесарево-Кесареви. Надо видѣть въ Немъ Спасителя всѣхъ человѣковъ, ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ-бы Искупителемъ, Богочеловѣкомъ" [1]).

Чтобы понять эти мысли Пушкина объ Евангеліи, необходимо имѣть въ виду, что въ то время въ обществѣ образованныхъ людей было два взгляда на Евангеліе: одни хотѣли видѣть въ немъ ученіе для избранниковъ (аристократизмъ), другіе—ученіе, преподанное лишь простому народу (демократизмъ), и, соотвѣтственно этому, Евангельскаго Іисуса Христа переряживали и въ якобинца и въ демагога. Пушкинъ, какъ и должно, не признаетъ правильнымъ ни тотъ ни другой взглядъ на Евангеліе. По Евангелію онъ вѣруетъ во Христа Богочеловѣка, Спасителя и Искупителя всего рода

[1]) „Записки А. О. Смирновой". ч. I, стр. 263—265.

Адамова. Съ такой вѣрой онъ и предсталъ предъ картиной Брюлова—„Распятіе“. Но охрана картины часовыми дѣлала эту картину доступной для созерцанія избранниковъ, а не всѣхъ, какъ бы этого желалъ поэтъ. Этотъ, такъ сказать, аристократизмъ и возмутилъ его душу. Но, если правъ Пушкинъ въ своемъ возмущеніи отъ неумѣстности часовыхъ около священнаго для всѣхъ христіанъ изображенія „Распятія Христова“, то въ правѣ и мы возмутиться неумѣстностью сравненія, допущеннаго имъ въ стихотвореніи „Мадонна“ (1830 г.), которое мы ставимъ въ параллель съ стих. „къ Распятію“.

«Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
«Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель
Внимая важному сужденью знатоковъ.

* * *

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ
Одной картины я желалъ быть вѣчный—зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—

* * *

Одна съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

* * *

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

2-я и 3-я строфы этого стихотворенія дышатъ чувствомъ благоговѣнія предъ иконой Божіей Матери. Но это небесное, къ сожалѣнію, является символомъ земного, символомъ семейнаго счастія, проистекающаго отъ присутствія въ семейномъ домѣ жены—матери, преисполненной красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости. Подобное смѣшеніе и отожествленіе небеснаго съ земнымъ и есть то, что, при чтеніи стих. „Мадонна“, непріятно волнуетъ наше религіозное чувство.

Нѣкоторыя черты Евангелія, отражаются и въ стихотвореніи „Подражаніе Итальянскому“—

„Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
„Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
„Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смердной,
„И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
„Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
„Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
„И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
„И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
„Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста
„Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

Первая и послѣдняя строки этого стихотворенія болѣе полно выражены въ 5 ст. 27 гл. Евангелія отъ Матѳея, 18 ст. 1 гл. Дѣяній Апостол. и въ 47—50 ст. 26 гл. Евангелія отъ Матѳея. Все остальное содержаніе „Подражанія“ близко подходитъ къ народнымъ вѣрованіямъ о сатанѣ, бѣсахъ и Іудѣ—предателѣ.

Указавши въ какихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина, написанныхъ въ Николаевскую эпоху (отъ 1824 г.), находится элементъ Библейскій и Евангельскій прослѣдимъ въ другихъ,—относящихся къ тому же періоду, элементъ церковно-христіанскій. Въ этомъ отдѣлѣ очерка предполагаемъ въ подлежащихъ разсмотрѣнію произведеніяхъ нашего поэта отмѣчать все то, за исключеніемъ Библіи, что имѣетъ косвенное или прямое отношеніе къ христіанскому міровоззрѣнію вообще и къ Православному въ частности. Прежде всего ознакомимся съ тѣми изъ его произведеній,—которыя являются отголоскомъ пережитыхъ религіозныхъ воззрѣній и треволненій его совѣсти. Въ началѣ обращаемъ вниманіе на стихотвореніе—„Ангелъ,“ (1827 г.)

Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ,
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ
И ты недаромъ мнѣ сіялъ.
Но все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Но все я въ мірѣ презиралъ.

Въ „Ангелѣ“ художественно изображено, по словамъ г. Полевого, „глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба и презрѣніе ко всему не небесному.“ По отношенію къ самому Пушкину это стихотвореніе обнаруживаетъ совершающійся въ его душѣ поворотъ отъ сомнѣнія и отрицанія въ сторону христіанскихъ мыслей. Но это торжество свѣтлаго духа надъ мрачнымъ въ немъ не было окончательнымъ. Сомнѣніе въ его душѣ было поколеблено; но не смыта накипь душевная. Расчетъ съ этимъ начала производить совѣсть. Совѣсть еще въ 1824 г. осудила въ поэтѣ „самолюбивыя мечты,—утѣхи юности безумной.“

„Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила?
Мои летучія мечты.

(Изъ стих. „разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“).

Теперь же (въ 1828 г.), послѣ признанія Пушкина въ своемъ душевномъ просвѣтленіи отъ мрака сомнѣнія, совѣсть угрызаетъ его за пусто-проведенную жизнь.

„Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,

Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды.
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.—(«*Воспоминаніе*»).

Томимый мрачнымъ предчувствіемъ Пушкинъ спрашиваетъ самого себя:

„Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу-ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду.
Можетъ быть, еще спасенный
Снова пристань я найду“ (*„Предчувствіе“*).

Но это равнодушіе было въ Пушкинѣ состояніемъ духа вымученнымъ. Душа, охваченная пессимистическимъ предчувствіемъ, не находила тихой пристани. Въ такомъ настроеніи духа сложилось стихотвореніе 26 мая 1828 г.

„Даръ напрасный, даръ случайный
Жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передъ мною
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Глубоко вѣрующій въ Бога, Премудраго Творца человѣка и вселенной, не сталъ бы задаваться подобными вопросами. Для него жизнь, какъ по объективной сторонѣ, такъ и по субъективной не представляется загадкой безсмысленнаго существованія. Но въ томъ-то и бѣда, что у писавшаго стихотвореніе „Даръ напрасный“ въ данный моментъ было

„сердце пусто, праздненъ умъ.“ На непонятые Пушкинымъ вопросы о смыслѣ и цѣли жизни отвѣтилъ Московскій Митрополитъ Филаретъ слѣдующимъ прекраснымъ стихотвореніемъ, въ стилѣ „Дара:“

„Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ.—
И созиждется тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

И скоро вспомнилъ Пушкинъ о Богѣ. Спустя годъ послѣ стихотворенія—„Даръ напрасный“—онъ былъ на Кавказѣ, и здѣсь, любуясь видомъ монастыря на Казбекѣ, душой устремился „въ сосѣдство Бога,“ въ келью нагорнаго монастыря, который, подобно ковчегу, могъ сохранить его отъ низкихъ тревогъ и заботъ жизни.

«Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!
(стих. „Монастырь на Казбекѣ“).

На живой же откликъ святителя Московскаго Филарета онъ отвѣтилъ въ 1830 г. благодарственными „Стансами, “въ которыхъ между прочимъ читаемъ;

И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей...
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла страхъ земныхъ суетъ.
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

На сколько былъ искренно-правдивъ Пушкинъ въ этихъ „стансахъ", провѣримъ двумя его элегическими стихотвореніями. Въ 1829 г., когда душа его еще не успокоилась отъ тяжелаго пессимистическаго настроенія, онъ пишетъ:

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ли въ многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Какимъ же? мечтамъ о смерти. Мысль о смерти всюду неотступно преслѣдуетъ поэта:

«День каждый, каждую годину;
«Привыкъ я думой провождать,
«Грядущей смерти годовщину
«Межъ нихъ стараясь угадать.
. . . . . .
«И хоть безчувственному тѣлу
«Равно повсюду истлѣвать,
«Но ближе къ милому предѣлу
«Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

Тутъ еще не слышится вѣры А. С. Пушкина въ загробную жизнь, а только одинъ страхъ предъ смертію, пугающей его посмертнымъ уничтоженіемъ. Но „этотъ страхъ земныхъ суетъ"—отвергла его душа въ 1830 г. Воспоминанія о прошлой жизни тогда его не только не покинули, наоборотъ подъ старость сдѣлались постоянными:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.

Онъ сознаетъ: «Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать.

Сохранилось слѣдующее предсмертное стихотвореніе Пушкина, изданное въ 1881 г. въ „Русскомъ Архивѣ" (стр. 173.—„Бумаги А. С. Пушкина".)

Чудной сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой,
И меня благословлялъ.

* * *

Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ.
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь Царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.

* * *

Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ....
Отрѣшись воловъ отъ плуга
На послѣдней бороздѣ.

* * *

Сердце жадное не смѣетъ
И повѣрить и невѣрить.
Ахъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Близокъ я къ моей кончинѣ?

* * *

Казни вѣчныя страшуся,
Милосердія надѣюсь.
Успокой меня, Творецъ!
Но твоя да будетъ воля
Не моя... Кто тамъ идетъ?

Изъ послѣднихъ 5 строкъ этого стихотворенія видно, что подъ конецъ жизни Пушкинъ увѣровалъ и въ страшный судъ и въ загробную жизнь. Ожидая себѣ возмездія отъ Творца, онъ теперь спокойно подчиняетъ свою волю волѣ Судіи—Бога. Его многомятежная душа, смущаемая неистинными религіозными мыслями, тревожимая голосомъ укоряющей совѣсти, дѣйствительно, въ послѣдніе годы его жизни успокоилась, о чемъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ и въ стихотвореніи „Туча“ (13 Апр. 1835 г.).

«Послѣдняя туча разсѣянной бури!

. . . . . .

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала...

. . . . . .

Довольно сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась...

Переходимъ, наконецъ, къ изученію тѣхъ мыслей и чувствъ, выраженныхъ А. С. Пушкинымъ въ произведеніяхъ Николаевской эпохи, которыя являются прямыми отвѣтами на разные вопросы о Христіанствѣ вообще и о Православіи въ частности.

Въ Христіанствѣ вообще Пушкинъ признавалъ великую силу, перерождающую въ религіозно-нравственномъ отношеніи жизнь общественную и семейную. Въ первой главѣ „Путешествія въ Арзрумъ“ (1829—1835 г.) находимъ слѣдующее разсужденіе его о мѣрахъ сближенія черкесовъ съ Россіей. „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ Христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть.... Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противъ русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.“ Эти же мысли, занимавшія Пушкина во время путешествія по Кавказу въ 1829 г. выражены имъ и въ поэмѣ „Галубъ.“ Вотъ вкратцѣ содержаніе поэмы. Чеченецъ Галубъ торжественно

погребаетъ своего сына, убитаго рукой завистника. Послѣ похоронъ неожиданно появляется старикъ (черкесъ-христіанинъ), которому Галубъ, за тринадцать лѣтъ предъ симъ, когда старикъ зашелъ въ аулъ, отдалъ на воспитаніе младенца. Воспитатель находитъ теперь своевременнымъ возвратить ему воспитаннаго имъ юношу, который долженъ замѣнить Галубу убитаго сына. Но Тазитъ (такъ звали юношу), воспитанный христіаниномъ, не можетъ сродниться съ средой, строй жизни которой находится въ полной противоположности съ христіанствомъ. Старый горецъ-магометанинъ глубоко сознаетъ, что Тазитъ не оправдываетъ его надеждъ. Три подвига христіанскаго милосердія, совершенные юношей, были тремя ударами въ сердце Галуба, требовавшее мести. Сначала онъ гнѣвался, потомъ скорбѣлъ и, наконецъ, прогналъ Тазита съ глазъ долой. Спустя немного Тазитъ появляется на обычныхъ играхъ чеченцевъ; но онъ не принимаетъ въ нихъ никакого участія. Сердце его горитъ любовью къ одной изъ дѣвушекъ, бывшей на играхъ; чеченка вполнѣ сочувствуетъ ему. Сватовствомъ оканчивается поэма. По дошедшему плану поэмы видно, что А. С. Пушкинъ намѣренъ былъ написать продолженіе ея въ слѣдующихъ главахъ: отказъ, миссіонеръ, война, сраженіе, смерть и эпилогъ. Но и въ той части поэмы, какую ему довелось написать, ясно выступаетъ его замыселъ. Въ поэмѣ „Галубъ“ онъ задумалъ противопоставить идеалы первобытной жизни горцевъ идеаламъ христіанскимъ и изобразить столкновеніе этихъ идеаловъ въ семьѣ, между семейными членами той и другой среды.

Какія столкновенія могутъ происходить въ семьѣ между членами ея—христіанами и нехристіанами, это изображено въ стихотвореніи „Странникъ.“ Странникъ—поэтическій типъ христіанина—мистика, который не можетъ примириться съ пустой жизнью семьи и съ исключительно мірскими идеалами родныхъ. Онъ ищетъ: „скорѣе узрѣть спасенья путь и тѣсныя врата“ въ Царство Небесное. Во 2 томѣ сочиненій А. С. Пушкина, изданн. Л. Поливановымъ, стр. 340—343, дается обстоятельное изслѣдованіе этого стихотворенія. Тамъ указано, что это стихотвореніе есть передѣлка начала I главы изъ книги: „Путешествіе пилигрима въ небесную страну

и Духовная война," аллегорическаго разсказа Джона Буньяна (1628—1688 г.). Приведенъ и близкій переводъ соотвѣтствующаго „Страннику" мѣста. Г. Анненковъ находитъ „сильное сходство" „Странника" съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ Пролога, выписаннымъ самимъ Пушкинымъ.—„Вложи (діаволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имуть скорбь и тугу и плачь о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еще воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощи ему тѣломъ и еле живу быти. Ово-бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше, яко скудель, крѣпость его [1]), и плоть его бѣ, яко трость вѣтромъ колеблема."

Намъ же думается, что въ основу стих. „Странникъ" положены слѣдующія изреченія Евангелія: „Нѣкто сказалъ Ему (Іисусу Христу): Господи! неужели мало спасающихся? Онъ же сказалъ имъ: подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата; ибо сказано вамъ, многіе поищутъ войти и не возмогутъ" (Лук. 13 гл. 23—24 ст.) „Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку—домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня." (Матѳ. 10 гл., 35—37 ст.) При чтеніи этихъ Евангельскихъ изреченій и поэтической передѣлки ихъ въ аллегорическомъ разсказѣ Джона Буньяна у Пушкина могъ родиться вопросъ: ужели съ послѣдованіемъ Христу не совмѣстима любовь родственная? Сказаніе Пролога есть часть отвѣта на этотъ вопросъ. Да,—христіанство раздѣляетъ даже такихъ близкихъ между собою, какъ отецъ и сынъ, мать и дочь,

[1]) „Матеріалы для біографіи, А. С. Пушкина. 1873 г., стр. 379.

если одинъ совершенно проникся ученіемъ Евангелія, а другой очень далекъ отъ него. „Странникъ“ Пушкина и есть именно такое стихотвореніе, въ которомъ поэтически изображены семейныя отношенія.

Что же Православнаго есть въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина?

Кому неизвѣстно изъ поэмы „Полтава“ то мѣсто 2-й пѣсни, въ которомъ поэтъ словами глубокаго драматизма изображаетъ ожиданіе Кочубеемъ въ тюрьмѣ предъ казнію духовника?!...

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель,
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и Тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей....

Кто также не знаетъ изъ драмы „Борисъ Годуновъ“ художественнаго описанія кельи въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ Пименъ ночью передъ лампадою пишетъ:

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному.....

А сколько молитвенно-патріотическаго чувства къ Православному Русскому Государю находится въ слѣдующемъ мѣстѣ той-же драмы:

„Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:

Помолимся о нашемъ Государѣ
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной;—а къ намъ, своимъ рабомъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ;
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ
Мы молимся Тебѣ, Царю Небесъ!...

Сцена 9-я изъ Бор. Годунова.

Здѣсь первая и нѣкоторыя другія строки—переложеніе православныхъ молитвъ. Но есть у Пушкина общеизвѣстное стихотвореніе „Молитва“ (1836 г., представляющее переложеніе первой половины православной покаянной молитвы Ефрема Сирина—„Господи, Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія любоначалія и празднословія не даждь ми; духъ же цѣломудрія, смиреномудрія, терпѣнія и любве даруй ми. рабу твоему.“ Вотъ это стихотвореніе:

„Отцы, пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
Сложили множество Божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста,
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой.
„Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей.
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ твой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Въ связи съ этимъ чуднымъ переложеніемъ молитвы Ефрема Сирина ставимъ слѣдующее неизданное стихотвореніе Пушкина—переложеніе „Молитвы Господней.“ [1]).

»Я слышалъ въ келіи простой
Старикъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
„Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами,
Какъ въ небесахъ такъ и на земли!
Насущной хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою!
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою.
Прости, Отецъ, своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенье,
И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ....
Передъ крестомъ
Такъ онъ молился. Свѣтъ лампады
Мерцалъ чуть-чуть издалека...
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

Г-нъ *Н. Сумцовъ* въ своихъ „этюдахъ объ А. С. Пушкинѣ“ относительно принадлежности Пушкину переложенія молитвы „Отче нашъ“, говоритъ вотъ что: „Молитва эта входила въ заграничныя изданія Пушкина, какъ извѣстно, весьма неудовлетворительная. *Г. С. Чириковъ* впервые напечаталъ ее въ 1 кн. Русск. архив. 1881 г. и предположительно также отнесъ Пушкину.

Г. Ефремовъ въ собраніи сочиненій Пушкина [1]) 1881 г., т. V, стр. 540, категорически заявилъ, что эта „Молитва“ не принадлежитъ Пушкину: „не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ, и *засорятъ* (ею) изданіе едва-ли кто рѣшится, тѣмъ болѣе, что „Молитва“ совсѣмъ напоминаетъ Ѳедора Глинку.

[1]) Напечатано въ первой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1881 г.
[1]) Выпускъ II, стр 74—75.

„Молитву“ эту съ тѣхъ поръ забыли, и въ новѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина,—Павленкова, Поливанова, Литературнаго фонда,—ея нѣтъ. На мой взглядъ (вполнѣ принимаемъ этотъ взглядъ.) „Молитва“ эта безусловно Пушкинское стихотвореніе, и вмѣсто предполагаемаго *засоренія* внесеніе ея въ собраніе сочиненій Пушкина дастъ имъ новое немаловажное украшеніе. Эта „Молитва,“ вѣроятно, написана одновременно съ переложеніемъ молитвы Ефрема Сирина. Въ обѣихъ молитвахъ обнаруживаются сходные пріемы поэтическаго творчества: обѣ имѣютъ въ началѣ нѣчто въ родѣ вступленія, обѣ одинаково гармонируютъ съ настроеніемъ Пушкина. Переложеніе „Отче нашъ“ воспроизводитъ излюбленный Пушкинымъ мотивъ о ночной лампадѣ и стоитъ близко къ „Подражаніямъ Корану.“

Остается еще немного сказать объ отмѣченныхъ трехъ критическихъ замѣткахъ Пушкина, 1,—о сочиненіи Сильвіо Пеллико—„объ обязаностяхъ человѣка,“ 2,—„о сочиненіяхъ Георгія Конисскаго“ и 3,—о „Словарѣ святыхъ, прославленный въ Россійской церкви“ кн. Эристова. Автора книги „объ обязанностяхъ человѣка“ Пушкинъ считаетъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ „избранныхъ, которые въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго Учителя.“ Сочиненіе Сильвіо Пеллико,—„Обязанности человѣка“ издано въ переводѣ Э. М. Зиновьевой (С.-Петербургъ, 1892 г.). Въ брошюрѣ русской—тридцать двѣ небольшихъ главы религіозно-нравственнаго содержанія, какъ напримѣръ: значеніе долга, любовь къ истинѣ, религія, уваженіе къ человѣческому достоинству и др. въ этомъ родѣ. Книжка читается легко,—возбуждаетъ интересъ къ вопросамъ жизни и счастія, и даетъ разрѣшеніе ихъ въ чувствѣ довольства и надежды.

Предъ личностію, сочиненіями и трудами святителя Бѣлорусскаго Георгія Конисскаго—Пушкинъ преклоняется. Съ чувствомъ признательности замѣчаетъ, что издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. А самый „Словарь“ кн. Эристова находитъ книгой, имѣющей общую занимательность. „Есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того угодника, чье имя носятъ отъ купели до мо-

гилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, недивиться крайнему ихъ не любопытству.“ Какой поучительный урокъ и нашему времени?!...

Заканчивая очеркъ, сознаемся, что онъ вышелъ блѣднымъ по изложенію и мало-развитымъ по содержанію. Написанное скорѣе матеріалъ для статьи—„религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“, чѣмъ самая работа такого названія. Впрочемъ, въ итогѣ остаются: отголоски религіозныхъ впечатлѣній дѣтства А. С. Пушкина, плоды его религіозныхъ колебаній въ юности и въ первую пору мужества, элементъ Библейскій и Евангельскій въ его произведеніяхъ второй поры мужества, и, наконецъ, разныя мысли и чувства Пушкина по разного рода вопросамъ и обще-христіанскимъ и православнымъ,—мысли и чувства, свидѣтельствующія о его постепенномъ укрѣпленіи себя въ Православно-религіозномъ чувствѣ. Нашъ трудъ есть выполненіе мысли самого Пушкина о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ: „истина тамъ и берется, гдѣ попадается.“

